ПѢСНИ И ДУМЫ

П. П. КОРОПЦОВА.

Изданіе автора.

ЦѢНА 30 КОП.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ПѢСНИ И ДУМЫ

П. П. КОРОПЦОВА.

Изданіе автора.

ЦѢНА 30 КОП.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРН. ПРАВЛЕНІЯ, (ГОРОХОВ. УЛ., № 2—6).

1873.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Октября 1873 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

НА МОСТОВОЙ.

Не води, о несчастная мать,
Своихъ маленькихъ двухъ дочерей
Черствый хлѣбъ по домамъ собирать
И такъ долго стоять у дверей!

Христа ради подать что нибудь
Не учи ты малютокъ просить,
Такъ ручонки къ прохожимъ тянуть,
Такъ умильно глазами водить.

Если нѣтъ въ тебѣ силъ никакихъ,
То одна хоть съ сумою ходи,
Но малютокъ пригожихъ своихъ
Не губи рано такъ, не губи!

Людей, думаешь, тронетъ дитя?
Но не видишь ли ты вотъ теперь,
Какъ купчина прошелъ, не глядя,
Какъ богачка захлопнула дверь?

А тѣ франты, что звякаютъ такъ,
Что̀ сказали сейчасъ про тебя!...
Отцу честному въ гробѣ никакъ
Тяжкой стала отъ словъ тѣхъ земля.

Не води ихъ съ сумой, не води,
Не предсказывай въ будущемъ зла!
Когда мочишь сухарь, говори,
Что трудомъ ты его добыла.

Про суму еще рано имъ знать,
Рано видѣть презрѣнье людей,
Эту горькую рѣчь лепетать,
Подъ дождемъ промокать до костей.

Дай младенчеству тихо пройти,
Не смущай ты ихъ розовыхъ сновъ;
При малюткахъ судьбы не кляни,
Мать! во имя грядущихъ годовъ.

Хоть проклятій теперь не поймутъ,
Не забьются сердца ихъ тоской,
Но невѣденья годы пройдутъ—
И припомнитъ ихъ умъ молодой.

Съ ядовитымъ запасомъ въ груди,
Безъ стыда побираться съ сумой,
Въ силахъ будутъ ли дѣти твои
Побороться со встрѣчной бѣдой?

Нѣтъ, недоля ихъ спины нагнетъ
Передъ брошеннымъ имъ пятакомъ:
Сила воли въ нихъ крѣпко уснетъ
Тотъ пятакъ добыть кровнымъ трудомъ.

А изъ-дѣтства заученный стонъ—
Ропотъ злой на судьбу, на людей
Стиснетъ грудь, потревожитъ ихъ сонъ,
Оттолкнетъ отъ небесныхъ дверей.

Тяжела моя рѣчь, тяжела...
Но она не пророчество имъ:
Время есть отвратить ихъ отъ зла,
Ввесть въ міръ Божій путемъ ихъ другимъ.

Прочь позорную сумку съ дѣтей!
На тебѣ пусть не видятъ ее:
Принесла мѣдный грошъ, сухарей
И скажи: трудовое мое.

О трудѣ имъ внушай горячей,
Пусть до гордости въ нихъ онъ дойдетъ,—
И не будетъ продажныхъ ночей,
Ихъ краса въ ремесло не пойдетъ.

Передъ ними людей не злословь,
Не бросай ты сомнѣній въ ихъ грудь,
Но въ сердцахъ ихъ возжги къ нимъ любовь—
Облегчишь тѣмъ ихъ жизненный путь.

Какъ услышишь въ полночной тиши
Первый вздохъ изъ груди молодой,
На распятіе имъ укажи
Съ умиленіемъ, съ теплой слезой.

Обнови же молитвой уста
И достойно дѣтямъ передай
О земной трудной жизни Христа,
Помяни про иной, лучшій край.

Будетъ грудь ихъ вздыматься легко:
Сердцемъ дѣвственнымъ Бога поймутъ,
И сомнѣнье уйдетъ далеко
И недолю безъ стона снесутъ.

Не води же малютокъ съ сумой,
Такъ безумно судьбы не кляни;
Подростутъ, дай исходъ трудовой
Да съ надеждой крестомъ осѣни.

ЕЩЕ НА МОСТОВОЙ.

Пошли насущнаго кусокъ
Больному нищему, Спаситель:
Пустымъ приноситъ онъ мѣшокъ
Въ свою подмостную обитель.

Людей онъ молитъ пожалѣть
Его голодную кручину;
Но сытый шлетъ ему въ отвѣтъ
Свою *резонную* причину:

Одинъ встрѣчаетъ—«мелкихъ нѣтъ»,
Другой «Богъ дастъ» выпровожаетъ,
Ханжа, откушавши обѣдъ,
Подать въ *субботу* обѣщаетъ.

Когда «Богъ дастъ» ему сулятъ,
Къ Тебѣ онъ очи подымаетъ,
Уста молитву говорятъ
И гладъ надеждою питаетъ.

Питавшій нѣкогда людей
Чудесной манною въ пустынѣ!
Спаси отъ смерти средь семей
Отъ глада страждущаго нынѣ.

НА ПРОСЕЛОЧНОЙ ДОРОГѢ.

Свѣтъ луны по полямъ
Разливается,
Пѣсня пахаря тамъ
Разлетается.

И хоронитъ слова
Степь широкая,
Лишь въ напѣвѣ слышна
Грусть глубокая.

Что за злая тоска
Съ бѣднымъ мается,
Что и въ полночь она
Просыпается?

СЦЕНА У ПРИСУТСТВЕННЫХЪ МѢСТЪ.

Идетъ старикъ, шатается,
Костыль въ его рукахъ,
Лохмотьемъ прикрывается
И дыры въ сапогахъ.

Съ чуланчика студенаго
Подъ церковь онъ шагалъ,
У зданія казеннаго
Задумался и сталъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Потомъ побрелъ; вздыхаючи,
Съ собой все говорилъ,
На паперть сѣлъ, рыдаючи,
И въ грудь себя забилъ.

Что вспомнилъ онъ предъ зданіемъ
Правдиваго суда?
Припрятана съ стараніемъ
Въ архивъ его бѣда....

П***а 1862 г.

ПОДСЛУШАННЫЕ ВОПЛИ.

Спаситель, Спаситель! дай ангела мнѣ;
Пусть будетъ со мною въ ночной тишинѣ:

Мнѣ душу терзаетъ глубокое горе,
Мнѣ страшно въ избушкѣ, какъ въ бурю на морѣ,
Мнѣ дико: я слышу, какъ змѣи шипятъ;
Онѣ моей кровью упиться хотятъ.

О Боже! какъ страшны такіе враги....
О, да, они змѣи!.. коварнѣй змѣи:
Змѣя ядъ пускаетъ съ сердитымъ шипѣньемъ,
А люди терзаютъ съ такимъ наслажденьемъ:
Сто жалъ ужъ впустили, но кротко глядятъ....
Любовь, состраданье еще мнѣ сулятъ!..

Мнѣ тяжко, мнѣ душно въ трескучій морозъ
Всѣ мысли, всѣ чувства—сердитый хаосъ...
О Боже! мнѣ сердце теперь не покорно,
Что кровью облито, да бьется проворно:
Хотѣлъ бы молиться,—молитва бѣжитъ...
Пусть ангелъ хранитель скорѣй прилетитъ!

УТОПЛЕННИКЪ.

Могучій дубъ сто бурь видалъ
И въ ста борьбахъ гигантъ не палъ;
Сто первая озлилася—
И съ дубомъ жизнь простилася.

И *онъ* былъ твердъ въ борьбѣ съ судьбой;
У Бога силъ просилъ на бой;
Но доля зло ярилася—
И сила въ немъ сломилася:

Минула ночь, алѣлъ востокъ;
Межъ горныхъ скалъ ревѣлъ потокъ.—
И принялъ онъ въ объятія
Вопившаго проклятія...

ЖИЗНЬ ЗА НЕЛЮБОМЪ.

Не туманный лѣсъ, не дремучій боръ
И не рѣченьки быстротечныя
Поперегъ пути мнѣ легли въ упоръ—
Заѣдаютъ жизнь муки вѣчныя.

Я не годъ томлюсь, скоро пять ужь лѣтъ,
Какъ въ слезахъ ложусь, просыпаюся:
Мой нелюбый мужъ завязалъ мнѣ свѣтъ;
Смерти съ радостью дожидаюся.

Для него-ль красу я лелѣяла,
На зарѣ съ ключа умывалася?
Когда жизнь весной въ грудь повѣяла,
Я его-ль въ мечтахъ дожидалася?

Сколько жгучихъ слезъ уронила я
На грудь матушки, на грудь батюшки...
Не дошла жъ до нихъ рѣчь—мольба моя:
Богача себѣ взяли въ зятьюшки.

Ой туманный лѣсъ и дремучій боръ,
Какъ привольно вамъ процвѣтать весной!
Гдѣ жъ моя то жизнь? Гдѣ душѣ просторъ?
Въ четырехъ стѣнахъ съ золотой казной.

~~~~~~~~~~

ПѢСНЯ КУЗЬМЫ БЕЗТАЛАНОВА ВЪ ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ЕГО ЮНОСТИ.

(отрывокъ изъ неоконченнаго)

И скучно, и грустно на сердцѣ бываетъ,
Когда о прошедшемъ мой умъ вспоминаетъ:
И дѣтство, и юность—сухая трава,
Что въ осень надъ нивой къ землѣ прилегла.

Едва я родился, нужда ужъ въ избенкѣ
И рядомъ со мною ложится въ пеленки:
Родные собрались сынишку крестить,
Она навязалась мнѣ матерью быть.
~~~~~~~~~~

И как сердобольно ходила за мною,
И какъ обнимала мертвящей рукою!
Бывало, голубка, и ночью не спитъ,
Да крестнику пѣсню на ухо гудитъ.

Пока былъ ребенкомъ безпечнымъ, веселымъ,
Не вѣдалъ я пѣсень со смысломъ тяжелымъ,
Но дѣтство минуло—и палъ мнѣ плитой
На грудь молодую напѣвъ гробовой.

Съ нуждою узналъ я и горе, и слезы,
Вѣтрамъ, непогодамъ былъ вѣткой березы.
. . . .
. . . .

. . . . . . , ...
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . , ...
. . . .
. . . .

Прощайте! Не жаль васъ, безцвѣтные годы,
Жестокій подарокъ индѣйки—природы...
. . . .
. . . .

* *
*

Въ сердцѣ холодъ, томленіе, скука...
Кому горе свое передамъ?
Тяжела безотвѣтная мука...
Помолюсь я ночнымъ небесамъ.

Небо голосъ мой скорбный услышитъ,
Въ грудь покой и отраду прольетъ;
Въ немъ съ землей примиреніе дышитъ,
Все въ немъ къ кроткой молитвѣ зоветъ.

И въ молитвѣ своей полуночной
Про навѣты людей не скажу,
Но снесть зло ихъ безъ мести порочной
Силъ душѣ у небесъ попрошу.

*   *
*

Спой мнѣ, украинка, пѣсню унылую
Голосомъ сладостнымъ, полнымъ участія;
Можетъ разжалоблю долю постылую
Горькимъ рыданіемъ, плодомъ несчастія.

Плакать хотѣлъ бы я, — слезы покинули;
Я ужъ не вѣдаю думъ утѣшительныхъ;
Словно льдянистую гору водвинули
Въ грудь, ослабѣвшую въ мукахъ томительныхъ.

Голосъ твой властвуетъ силой могучею;
Слезы онъ вызоветъ, дастъ облегченіе;
Думы, нависшія черною тучею,
Смолкнутъ, разсѣются хоть на мгновеніе.

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

Какая ночь! листокъ не колыхнется,
Боясь прервать торжественный покой,
Лишь соловей то стихнетъ, то зальется,
И пѣснь его подругѣ молодой.

Плыветъ луна по небу голубому,
Глядясь въ рѣку, любуяся землей,
Въ поляхъ, въ садахъ, по берегу нѣмому
Блеститъ роса алмазомъ, бирюзой.

И дышетъ ночь живительной прохладой,
Цвѣты садовъ льютъ въ воздухъ ароматъ...
О, какъ легко! какъ грудь полна отрадой!
Какъ милъ мнѣ міръ, котда всѣ люди спятъ!...

МАГИЧЕСКОЕ СЛОВО.

Люблю.... магическое слово!
Оно сто жизней мнѣ дало:
И міръ, и люди, все съ нимъ ново,
Съ нимъ все тяжелое прошло.

Теперь не вѣрится въ томленье,
Я прежнихъ вздоховъ не пойму,
Одно лишь жизнью наслажденье
Понятно сердцу моему.

Безумецъ я и лжецъ предъ свѣтомъ:
Я такъ недавно говорилъ,
Что люди злы, что въ мірѣ этомъ
Свою я долю утопилъ.

Бываютъ въ жизни испытанья....
На что же имъ сердца томить?
— Чтобъ послѣ нихъ судьбы даянья
Могли достойно оцѣнить.

Винюсь я, люди, передъ вами,
Винюсь, судьба, передъ тобой
И благодарными устами
Сплету вѣнокъ вамъ полевой.

Ее вы дали мнѣ въ объятья,
Люблю чтобъ слышать въ первый разъ...
О люди, други мои, братья,
Люблю я васъ, люблю я васъ!

* *
*

Какъ заблещетъ луна надъ землею
И съ людьми клевета ихъ уснетъ,
Буду ждать я *ее* надъ рѣкою,
Гдѣ плакучая ива ростетъ.

И настанетъ свиданія сладость:
Дѣву я обниму горячо,
Раздѣлю съ ней и горе, и радость,
Головой къ ней прильнувъ на плечо.

Низойдетъ въ мою грудь вдохновенье,
Просвѣтлѣю я съ нею душой,
И свиданья святое мгновенье
Не затмится людской клеветой.

Будетъ видѣть насъ небо съ землею,
Будетъ рѣчка привѣтъ намъ журчать,
И на весь міръ съ безгрѣшной мечтою
Свѣтлымъ окомъ мы будемъ взирать.

Къ ней любовь моя, даръ провидѣнья,
Какъ молитва младенца чиста.
Въ часъ сердечнаго къ небу стремленья
Въ ней предъ Богомъ открылись уста.

ДУМА БОБЫЛЯ—РАБОТНИКА.

Мрачною дорогой
Тянется мой путь.
Дай мнѣ хоть немного,
Доля, отдохнуть.

Свороти ты влѣво
Путь постылый мой:
Милая тамъ дѣва
Встрѣтится со мной.

Очи голубыя
Путь мой освѣтятъ,
Ласки дорогія
Силы воскресятъ

И привѣтъ сердечный
Дѣвы молодой
Дастъ мнѣ безконечный,
Сладостный покой.

Я изнылъ отъ горя,
Я усталъ въ пути.
Доля моя, доля!
Съ милою сведи.

Да не такъ какъ прежде,
Богачемъ большимъ:
Въ латаной одеждѣ,
Чуть ли не босымъ.

Но не насмѣялась
Съ бѣдности она,
А въ любви призналась,
Руку отдала.

Горячо голубку
Къ сердцу я прижалъ,
Въ глазки ее, въ губки
Жарко цѣловалъ.

Да не пиръ вѣнчальный
Былъ послѣ того:
Грустный и печальный
Кинулъ я ее.

Грѣхъ великъ топиться,
Грѣхъ душить людей, —
Въ нищенствѣ жениться
И того грѣшнѣй.

Поручилъ я Богу
Милую хранить
И побрелъ въ дорогу
Денегъ раздобыть.

Не жалѣя, трачу
Силы я въ трудахъ,
Только нѣтъ удачи
Ни въ какихъ дѣлахъ.

Я засѣю-ль нивку —
Градомъ хлѣбъ побьетъ,
Заведу ли сивку —
Тутъ падежъ на скотъ.

Все изъ рукъ валится,
Сѣю да не жну.
Полно, доля, злиться,
Гнуть меня въ дугу.

Счастія слѣпаго
Мнѣ не посылай,
Хлѣба трудоваго
Лишь не отымай.

Улыбнись мнѣ, доля,
Въ дѣлѣ помоги,
Безъ нужды, безъ горя
Къ милой приведи.

Уголъ свой, да нива,
Да душѣ покой, —
Жизнь была бъ счастлива
Съ милою женой.

ПѢСНЯ СЪ ЧЕРДАКА.

Только станетъ темно,
Въ садъ открою окно;
Прилетай, соловей,
Съ сладкой пѣсней своей.

Ты счастливѣй меня,
Веселѣй ты поешь:
Есть гнѣздо у тебя,
Ты съ подружкой живешь.

Въ этихъ пѣсняхъ слышны
Лишь привѣтъ да любовь;
Слушать ихъ до зари
Я съ восторгомъ готовъ.

Самъ хотѣлъ бы такъ пѣть,
Какъ и ты, соловей, —
Бобылю счастья нѣтъ
Отъ младенческихъ дней.

ЭПИЗОДЪ
ИЗЪ ЖИЗНИ ХАРЬКОВСКОЙ БАРЫШНИ.

Пожалѣй меня, родимая,
Глянь привѣтно въ лицо блѣдное:
Грусть—тоска неодолимая
Мучитъ сердце мое бѣдное.

О *Крещенской* *) я влюбилася
Въ армянина черноокаго
И въ любви своей открылася
На груди дружка жестокаго.

*) Харьковскіе домовладѣльцы ожидаютъ Крещенской ярмарки, какъ манны небесной. Не рѣдко цѣлыя семейства мѣстятся на это время въ одной комнатѣ, а остальное помѣщеніе отдаютъ въ наемъ пріѣзжимъ купцамъ и берутъ съ нихъ плату, какую имъ Богъ на душу положитъ. Моя героиня была дочерью одной изъ такихъ домовладѣлицъ.

Говорилъ онъ рѣчью сладкою
Про любовь свою сердечную,
Цѣловалъ меня украдкою,
Называлъ подругой вѣчною.

Но то было все наружное,
Чтобъ прельстить меня побѣдную:
Какъ скупилъ все въ лавку нужное —
И покинулъ меня бѣдную.

Разъ двѣнадцать я влюблялася,
Но такой тоски не вѣдала,
А за этимъ изстрадалася,
Со слезами щей отвѣдала.

Пожалѣй мою головушку,
Хоть словцо скажи утѣшное!
Какъ забыть свою зазнобушку?
Чѣмъ поправить дѣло грѣшное?......

РЕВНОСТЬ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ВЪ ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ ПОСЛѢ СВАДЬБЫ.

Какъ дивно она хороша,
Счастливую ночь досыпая!
На грудь ее спала коса,
Какъ будто бы съ нею играя;

Улыбка на алыхъ устахъ,
На щечкахъ румянецъ, какъ розы...
Быть можетъ о тихихъ годахъ
Пророчатъ ей сладкія грезы...

Плотнѣе закрою окно,
А то меня ревность волнуетъ:
Влюбленное солнце ее
Такъ жарко, такъ страстно цѣлуетъ.

РАВНОДУШІЕ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ЧРЕЗЪ ПОЛГОДА ПОСЛѢ СВАДЬБЫ.

Проказитъ Маша: видѣлъ я
Она корнета цѣловала...
И очень радъ! Теперь моя
Свобода полная настала.

Не будетъ за полы держать,
Когда къ Полинѣ собираюсь,
Сидѣть за полночь да скучать,
Когда я съ нею заболтаюсь.

А то вѣдь сущая бѣда:
У Поли быть пообѣщаю;
Летѣлъ бы къ ней, а тутъ жена
«Останься,—проситъ — я скучаю».

— Да я на времечко, дружокъ;
Съ проѣзжимъ нужно повидаться. —
Она сейчасъ къ глазамъ платокъ —
И нужно дома оставаться.

Какая скука быть съ женой,
Когда Полина ожидаетъ....
Мѣшать ей съ прибыли какой?
Пусть мнѣ лишь только не мѣшаетъ.

ВСЕМІРНАЯ ДРАКА.

Вотъ превосходная картина предо мною:
Толпа мѣщанъ дерется. Я гляжу.
Тотъ съ глазомъ распростился, тотъ съ свернутой скулою.
Обыкновеннымъ я все это нахожу.
Да, на землѣ стара ужъ эта драма:
Лупленье началось отъ праотца Адама.
Дерутся и теперь всѣ люди ужъ безъ мѣры;
Дерутся же они на разные манеры:
Штыками, шашками, картечью, кулаками;
Тотъ свищетъ прозою, а тотъ деретъ стихами.

КОНЬ И ОСЕЛЪ.

(БАСНЯ).

Однажды конь, съ дороги сбившись,
Большую лужу проходилъ,
А въ ней, по уши погрузиишись,
Стоялъ Оселъ и грязь мутилъ.

Примѣтя это, Конь ретивый,
Отъ грязныхъ пятенъ чтобъ спасти
И шерсть свою, и хвостъ красивый,
Осла старался обойти.

Такъ нѣтъ, Оселъ лягнулъ ногою
И обдалъ грязью грудь Коня.
Тряхнувши шеею крутою,
Конь сталъ, молчаніе храня.

Онъ взоръ презрѣнія бросаетъ
На уши дивныя длинной,
Въ глазахъ Осла прочесть желаетъ
Причину выходки такой.

Но взоръ его, какъ ночь, туманный:
На немъ безсмыслія печать,
И Конь свой путь, совсѣмъ нежданный,
Сталъ гордымъ шагомъ продолжать.

Онъ презиралъ Осла настолько,
Что даже бранью не почтилъ;
Взглянулъ въ глаза ему лишь только,
И взглядъ тотъ вотъ что говорилъ:

«Спасла тебя твоя порода;
«Но будь хоть мало ты умнѣй,
«Такъ грязь, клянусь тавромъ завода!
«Ты смылъ бы кровію своей».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ МАЛОРОССІЙСКІЯ.

ДУ́МА ПОКРИ́ТКИ НАДЪ ДИТИ́НОЮ.

Мі́сяць зъ хма́ри випливáе,
Свíтить у хати́ну,
А тамъ ма́ти молодá́я
Коли́ше дити́ну.

Подиви́лась у коли́ску, —
До́ня вже засну́ла...
Ма́ти ни́щечкомъ до се́рця
Іі́ пригорну́ла

Та й заду́малась надъ не́ю,
Слёзи утирáе,
Та въ тіхъ ду́мкахъ лю́бій до́ні
Го́ре проріка́е:

— До́ню, кві́тко степова́я,
Я́сні оченя́та!
Де поді́нусь я зъ тобо́ю?
Се чужа́я ха́та.

Де та ни́ва колоси́ста,
Що насъ прогоду́е?
Де той ба́тько, що дити́ну
Зодя́гне, зобу́е?

Ста́нешъ бі́льша — хай твій го́лосъ
Та́та не гука́е:
Вінъ забу́въ твою̀ мату́сю,
А тебе́ й не зна́е...

Бачь яка́ ти бу́дешъ въ сві́ті
До́лею бога́та....
Ду́же я пере́дъ тобо́ю,
До́чко, винова́та!

Се́рце млі́е, якъ згада́ю
Про твою́ недо́лю:
За шмато́къ черство́го хлі́ба
Пі́дешъ ти въ нево́лю.

Не вгоди́шъ чимъ, такъ ще й хлі́бомъ
Ста́нуть попріка́ти;
Надъ тобо́ю, я́къ зумі́ють,
Бу́дуть кепкува́ти.

Десь запла́чешъ у куто́чку, —
Ті́лько твого́ й бу́де,
Бо про го́ре не спита́ють,
Не розва́дять лю́де.

Да въ кіне́ць ти не змарні́ешъ,
Кві́тко степова́я:
Горе й ли́хо, все поду́жа
Си́ла молода́я.

Розцвіте́шъ ти, якъ у ма́і
Кві́тка розцвіта́е;
Твій ласка́вий, ти́хий по́глядъ
Со́нечкомъ засяе.

Чо́рні бро́ви не злиня́ють,
Станъ пряме́нький бу́де,
И красу́ твою́ діво́чу
Запримі́тять лю́де.

Бу́дуть хло́пці за тобо́ю
Ні́би-то вбива́тись;
Ті́лько-бъ вийшла за воро́та
Бу́дуть зустріва́тись.

По́ки се́рце не полю́бить,
Бу́дешъ гордува́ти,
Не посто́ешъ зъ ни́ми до́вго,
Будь вони́ й бога́ті.

Старості́въ не шлють до на́йми....
А тобі́ й байду́же:
Проти́ во́лі, вже яко́гось
Полюби́ла ду́же.

Світъ для те́бе ста́не кра́щий,
Люде — мовъ добрі́ші.
Со́нце за́йде, мі́сяць зі́йде —
Ти въ садо́къ скорі́ше.

Ми́лий щи́ро приголу́бить,
Ста́не обіща́ти,
Що тебе́ вінъ не поки́не,
Бу́де вікъ коха́ти.

Здáсьця вінъ тобí добрíйший
Одъ усíхъ на свíті;
Бýдешъ ти на ёго грýдяхъ,
Кохáючись, млíти.

Пóтімъ.... бýдешъ, якъ и мáти,
Зрáду проклинáти,
Та въ кутóчку въ чужíй хáті
Сúна колихáти.... —

Защемíло въ нéі сéрце....
Щó-бъ далá небóга,
Щобъ дочцí іí судúлась
Крáщая дорóга!

Зірка въ тéмную хатúну
Зъ хмáри подивúлась,
А тамъ мáти за дитúну
Гóсподу молúлась.

БІ́ЛЯ КРИНИ́ЦІ.

Чому́ ти, Катру́сю,
Пісе́нь не співа́ешъ,
У ру́сні ко́си
Квіто́къ не виліта́ешъ?

Що ста́лось зъ тобо́ю?
Чого́ ти суму́ешъ?
До те́бе говбо́ришъ,
А ти мовъ не чу́ешъ.

Чого́ ти, голу́бко,
Побли́дла, змарні́ла?
Чи ту́га вели́ка
Серде́нько здави́ла?

Відкри́й мені́ се́рце,
Якъ рі́дному бра́ту,
Я мо́же зумі́ю
Пора́доньку да́ти.

— Ой нікому въ світі
Порáдоньки дáти,
Колú могó лúха
Хотять бáтько й мáти.

Вдовéць зъ трëмá дітьми,
Старúй та горбáтий
Менé порішúвся
За сéбе узяти.

Кудú мені въ світі
Відъ нéлюба дітьця!?
Якъ мáю зъ нимъ жúти,
То лéгше втопúтьця.

А мáтері й бáтьку
До тóго байдýже:
Менé зъ нимъ зъеднáти
Хотять вонú дýже.

Бо кáжуть багáто
Е грóшей у ëго,
Мурóвана хáта
Такá якъ ні въ кóго.

Упа́вши імъ въ но́ги,
Я ла́ски проха́ла,
Такъ ли́ха ще бі́льше
Слёза́ми доста́ла.

Ой ні́кому въ сві́ті
Пора́доньки да́ти,
Коли́ могó ли́ха
Хотя́ть ба́тько й ма́ти.—

Серде́шна Катру́ся
Вбива́етьця, пла́че;
Рі́дня нерозу́мна
Тогó мовъ не ба́че.

Чому́ я не вла́сний
Рі́дню ії взя́ти
Та въ скри́ні зъ гроши́ма
Підъ спу́домъ схова́ти

~~~~~~~~
~~~~~~~~

МОЛИ́ТВА БІДОЛА́ХИ.

Погля́нь на ме́не, Бо́же за не́ба,
Моли́тву грі́шную почу́й:
Вели́кихъ благъ мені́ не тре́ба,
Відъ ли́ха тілько порату́й.

Пошли́ души́ розби́тій си́лу
Безъ нарі́ка́ння хрестъ нести́,
Щобъ мігъ я въ те́мную моги́лу
Наді́ю я́сну понести́.

НЕДО́ЛЯ.

До́ле, до́ле несчасли́вая,
Чомъ відъ ме́не не відче́пишся?
Якъ та рі́ченька бурли́вая,
Й на годи́ну не заче́пишся.

Надивилась, потішаючись,
Якъ я чашу пивъ полинную,
Та звела ще, забавляючись.
Зъ непривітною дівчиною.

Щиримъ серцемъ полюбивъ її,
'Ясно такъ на світъ поглянулось, —
Та минулись дні счасливиі,
Въ серце яду ще прибавилось.

Приворочила зрадливая.
Обнімалась, милувалася...
Потімъ.... доле несчасливая!
Зъ звіздоносцемъ повінчалася.

Доле — мачухо сварливая!
Хай всі муки серце знатиме,
Тілько дівчина зрадливая
Місця въ серці хай не матиме.

~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~

ПІ́СНЯ СИРОТИ́.

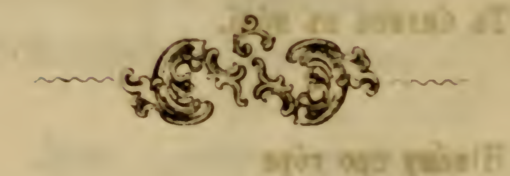
Гі́рко въ сві́ті жи́ти
Сироті́ безъ до́лі:
Вья́нешъ, якъ на со́нці
Та били́на въ по́лі.

Ні́кому про го́ре
Своє́ росказа́ти,
Бо чужи́мъ наві́що
Чуже́ ли́хо зна́ти?

Не червоні́ть кві́тці
Въ зи́му на моро́зі,
Чужи́мъ не уте́рти
Сирі́тськиі слёзи.

Розва́дила-бъ го́ре
Ві́рная дружи́на, —
Такъ за бідола́ху
Не піде дівчи́на.

Поживе́шъ на сві́ті,
По́ки ма́ешъ си́лу,
Попла́чешъ, поту́жешъ
Та й пі́дешъ въ моги́лу.

4) Тѣло чувствительное *можно изолировать*, уединить отъ вліянія силы двигательной, заключивъ между ними посторонее тѣло съ элементами *нечувствительными* къ силѣ двигательной, и такимъ образомъ прекратить вращательное движеніе тѣла чувствительнаго. 5) Тѣло чувствительное во время своего вращательнаго движенія, подъ вліяніемъ силы двигательной, *имѣетъ громадную, неудержимую силу*. Открытіе это многознаменательно; оно во 1-хъ имѣетъ многостороннее примѣненіе къ матеріальной пользѣ человѣчеству, а во 2-хъ достойно быть эрой прогресса въ наукѣ естествознанія: говорю положительно, что на этихъ началахъ зиждется механизмъ и всей нашей планеты, потому что встрѣченное мною тѣло суть ничто иное, какъ эссенція, скопленіе элементовъ чувствительныхъ (по отношенію къ силѣ двигательной), которые распространены во всей нашей планетѣ—землѣ. Чувствительные элементы, будучи въ обильности заключены въ малое тѣло, такъ что въ отношеніи къ планетѣ эта доля такихъ элементовъ приходится на пространство сравнительно громаднѣйшее, даютъ ему отдѣльное отъ планеты вращательное движеніе; а что такое тѣло вращается не вѣчно (какъ планета), а періодически, то это происходитъ отъ того, что для его отдѣльнаго вращенія отъ планеты нужно и *острое* вліяніе силы двигательной, но такъ какъ эта сила лежитъ въ атмосферѣ не сплошной остро-вліяющей массой, а движется токами, такъ сказать составляетъ неразрывную сѣть, то поэтому, по временамъ избавляясь отъ остраго вліянія силы двигательной (попадая въ промежутки между токами) оно подчиняется планетѣ.

На изслѣдованныхъ данныхъ я изобрѣлъ аппаратъ—Вѣчный Двигатель (Perpetuum mobile), который будетъ имѣть несравненное превосходство предъ торжествующимъ нынѣ паромъ—двигателемъ во всѣхъ отношеніяхъ и въ особенности экономическомъ: разъ истративши деньги на его устройство, не потребуется потомъ никакихъ издержекъ,—для приведенія его въ дѣйствіе нужна только *одна рука*.

ПЕТРЪ КОРОПЦОВЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Октября 1873 г.

ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРН. ПРАВЛЕНІЯ (ГОРОХОВ. УЛ. № 2—6)

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДАЖѢ СОЧИНЕНІЯ: «ПѢСНИ И ДУМЫ».

Въ вышеприведенной статьѣ я сказалъ о моемъ открытіи и изобрѣтеніи; но для того, чтобы показать ихъ свѣту въ совершенной полнотѣ и значеніи, необходима значительная сумма— тысячъ 40—50. Какъ быть? Что дѣлать, чтобы это открытіе и основанное на немъ изобрѣтеніе принадлежали мнѣ всецѣло, безраздѣльно? Это моя слава и ею я ни съ кѣмъ не подѣлюсь... И вотъ въ одну минуту такого раздумья пришла мнѣ на умъ мысль, что изъ песчинокъ горы составляются—и я на ней остановился, надѣясь на возможность придти къ желаемой цѣли путемъ личнаго труда, путемъ свободнымъ, помимо всѣхъ этихъ просьбъ, искательствъ, ходатайствъ, увѣреній, обязательствъ и т. д.: я собралъ, писанныя когда-то мною, стихотворенія и издалъ ихъ подъ названіемъ—«Пѣсни и думы». (48 стр. въ 8 д. л., цѣна 30 коп.). Своимъ открытіемъ я дамъ человѣчеству многое и многое какъ въ матеріальномъ, такъ и въ научномъ отношеніи. Надѣюсь, что просвѣщенное общество съ своей стороны окажетъ мнѣ содѣйствіе, пріобрѣтеніемъ моей брошюры, для пользы современниковъ и потомства. Для жителей С.-Петербурга сочиненіе мое—«Пѣсни и думы», продается въ книжномъ магазинѣ В. Черкесова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Александринскаго театра. Для жителей Москвы—въ библіотекѣ Улитиныхъ, противъ Малаго театра, домъ князей Грузинскихъ. Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями единственно по этому адресу:

ВЪ МОСКВУ,

Петру Прокофьевичу Коропцову.

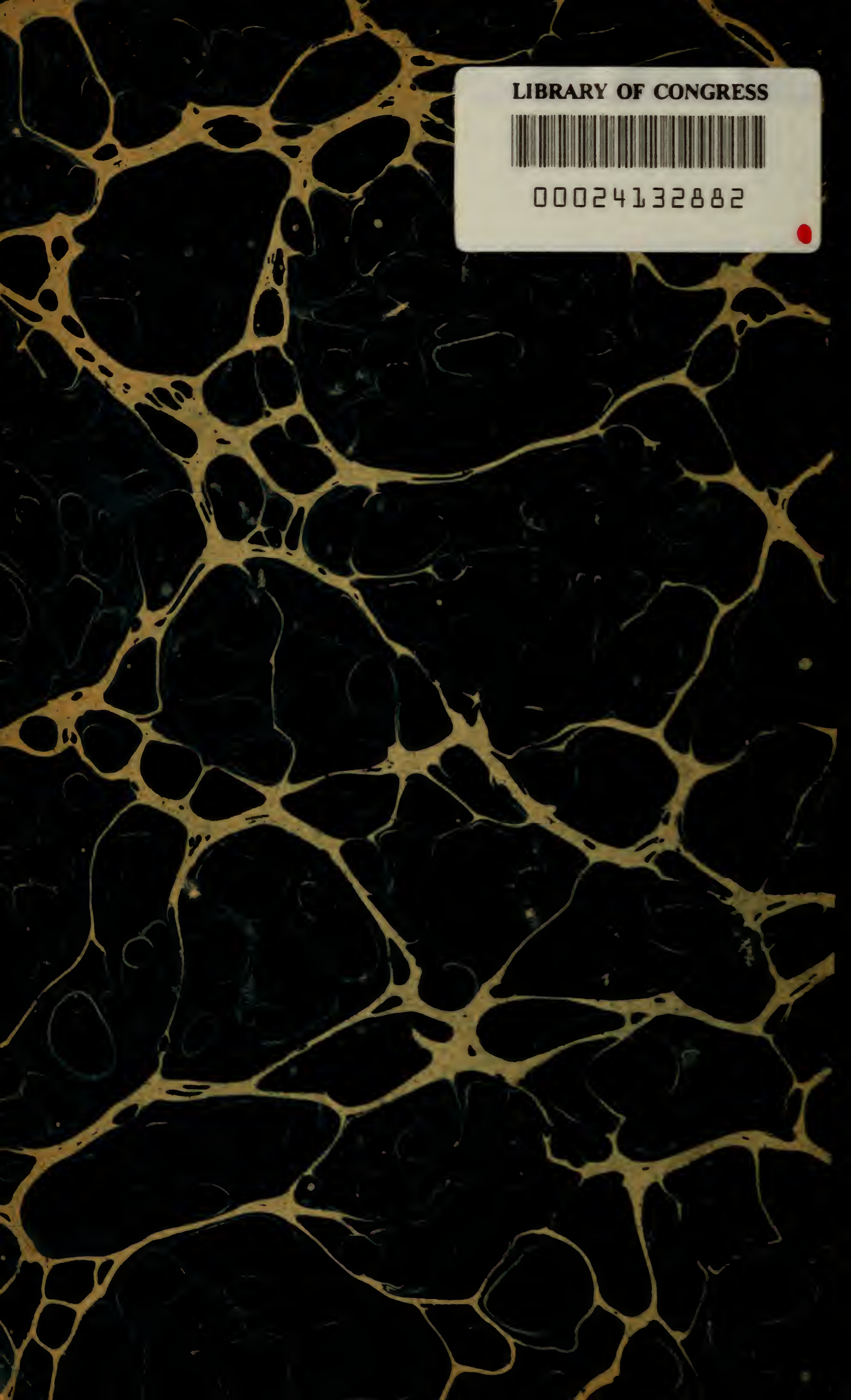
На Большой Лубянкѣ, домъ Бѣляева, меблированныя комнаты Гусятникова, кв. № 30.

На пересылку отъ одного до 4-хъ экземпляровъ прилагаютъ 20 коп., 5-ти и 7-ми—40 коп., свыше 7-ми—по 5 коп. на каждый экземпляръ. Сочиненіе мое будетъ въ продажѣ до 1-го Января 1875 года.

ПЕТРЪ КОРОПЦОВЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Ноября 1873 года.

ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРН. ПРАВЛЕНІЯ, (ГОРОХОВ. УЛ. № 2—6).

LIBRARY OF CONGRESS
00024132882